

На правах рукописи

ПОПОВА Ольга Андреевна

Политическая идеология

Ульриха фон Гуттена

(1488-1523)

Специальность 07.00.03 - всеобщая история

(средние века)

Автореферат диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Тюмень – 2005

Работа выполнена на кафедре археологии, истории древнего мира и средних веков ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор

Еманов Александр Георгиевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Петров Евгений Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

Волосникова Людмила Михайловна

Ведущая организация:

ГОУ ВПО

«Сыктывкарский государственный университет»

Защита состоится « » 2005 в часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук в ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан « » 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Доктор исторических наук, профессор

З.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации. В современном гуманитарном познании и в историческом, прежде всего, всё большее значение приобретает изучение идей, мыслительных доминант, ментальных импульсов, подвигающих к действию, эмоционально окрашенных реакций на настоящее, чаще всего оцениваемое критически, и рефлексивных проекций будущего политического устройства, наделяемого более совершенными качествами.

Подобная детерминирующая общественное развитие роль идей приобретает особую актуальность в современной российской исторической науке, слишком долго развивавшейся в совершенно ином направлении, когда определяющими в истории признавались факторы экономического порядка.

В русле обозначенного меняющегося понимания роли и смысла идей в истории находится и избранная нами тема политической идеологии Ульриха фон Гуттена.

В чём-то суждения Гуттена послужили основанием политико-правовых принципов последующей европейской демократии, в чём-то его представления опередили время, определив парадигмы гуманистической культуры, обозначив антитезы универсалистского и националистического сознания, что придаёт дополнительную актуальность изучению взглядов немецкого мыслителя XVI в.

Под «политической идеологией», дабы избежать возможной модернизации, мы стремились подразумевать некоторую совокупность идей, обладающих определённым единством и внутренней логикой.

Объектом исследования является творческое наследие Гуттена, его эпистолярный, памфлетный, диалогический, эпиграммический, в особенности та его часть, которая имеет политическую направленность.

Предмет исследования составляет совокупность идей Гуттена о государстве, обществе, его составляющих и церкви.

Хронологические рамки исследования определяются временем жизни Ульриха фон Гуттена 1488-1523 г.г., ещё точнее – временем его активного творчества, начиная с появления первого серьёзного трактата в 1511 г. и заканчивая 1523 г., годом тяжёлой болезни и преждевременной смерти.

Степень изученности проблемы. Литература о Гуттене огромна. Первые суждения о немецком гуманисте первой четверти XVI в. были высказаны его современниками. Наиболее существенны в этой связи оценки Э. Гессе (1488-1540)¹, прекрасно знавшего наследие Ульриха фон Гуттена и осуществившего одно из первых изданий его трудов, ограниченное, правда, латиноязычной поэзией. Панегирически к Гуттену

¹ Hutteni, Ulrichi, equitis Germani. Opera poetica / Hrsgb. v. E. Hesse. Strassburgiae, 1538.

относились университетские профессора М. Хаслоб (1540-1589) и М. Бойтер (1522-1587)¹, И. Лаутербах (1531-1577)², П. Лотихий (1528-1566)³ и И. Слейдан (1506-1556)⁴.

В XVII в. к поэтическому творчеству Гуттена обращался И.-Я. Хоттингер (1783-1860)⁵, не добавив ничего принципиально нового в понимании его взглядов.

В эпоху Просвещения были созданы первые научные биографии Ульриха фон Гуттена Л. Шубарта (1739-1791)⁶ и К. Мейнерса (1747-1810)⁷, представивших немецкого гуманиста идеологом освобождения Германии, независимости германских земель от универсалистских притязаний римско-католической церкви.

Немецкие просветители И.В.Гёте (1749-1832)⁸, Г. Клейст(1777-1811)⁹, К.М. Виланд (1733-1813)¹⁰, И.Г. Гердер (1744-1803)¹¹, акцентировали внимание на патриотических идеалах немецкого гуманиста. Вслед за ними И. Вагенсейль (1756-1839)¹² предпринял расширенную публикацию собрания сочинений Гуттена, в которое впервые были включены прозаические труды, эпистолярный, преимущественно на немецком языке.

При всей важности усилий названных учёных нельзя не отметить определённо выраженную тенденцию его идеализации и героизации. Эта позиция стала началом превнесения Гуттена как национального героя Германии, ещё в XVI в. выступившего за преодоление раздробленности и объединения, как предтечу либерализма.

В XIX в. мифологизации личности и деятельности Гуттена содействовали труды Г. Гервега (1817-1875)¹³ и К-Ф. Майера (1825-1898)¹⁴, в том числе в художественно-поэтической форме, как наиболее читаемые и обсуждаемые общественностью. В исторических трудах К. Хагена (1810-1868)¹⁵ и многих других Гуттен был превращён в иконографического святого, оваянного ореолом мученичества.

¹ Geschichte der deutschen Literatur / Hrsgb. von H. Ruppich. München: Verlag C. H. Beck, 1973. S. 304.

² Hutteni, Ulrichi, equitis Germani. Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae, 1862. Vol. 1-5. Vol. 5. P. 367.

³ Ibid. P. 367.

⁴ Ibid. P. 369.

⁵ Kalkoff P. Huttens Vagantenzeit und Untergang. Weimar, 1925. S. 34.

⁶ Schubart L.A. Ulrich von Hutten. Leipzig: Jacobaer, 1791. S. 206.

⁷ Meiners C. Das Leben Ulrichs von Hutten. Zürich, 1797. S. 408-409.

⁸ Goethe J. W. Dichtung und Wahrheit. S.I. T. IV, Buch 17.

⁹ Клейст, фон, Г. Драммы. Новеллы. М.: Худ. лит., 1969. С. 18.

¹⁰ Wiland Ch. M. Nachricht von Ulrich von Hutten // Deutsche Merkur. S.I. 1776. N 2. S. 185.

¹¹ Herder I.G. Werke / Hrsgb. von G. Hempel // B., 1776. T.15. S. 366.

¹² Hutteni, Ulrichi, de. Opera I. Epistolae hereis et clarissimorum querundam virerum ad eum scriptas / Hrsgb. von Ch. J. Wagenseil. Lipsiae, 1785; Norinbergiae, 1823.

¹³ Herwegh H. Gedichte eines Lebendigen. Leipzig: Max Hesses Verlag. 1849. S. 50.

¹⁴ Martini F. Humanismus und Reformation // Deutsche Literaturgeschichte. Stuttgart: A. Kroner, 1991. S. 111-117.

¹⁵ Hagen K. Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse in Reformationszeitalter. . S.I, 1868. Bd. III.

В монографии Д. Штрауса (1808-1874)¹ Гуттен был представлен гениальной натурой, с максимальной силой выразившей волю немецкой нации и наделённой качествами патриота, просвещёнейшего гуманиста и даром феноменальной воли и провидения. Концептуальные построения Штрауса с незначительными изменениями нашли многочисленных продолжателей, таких как Л. Гейгер (1829-1870)², Х. Ульман (1796-1865)³ и др.

Однако наряду с традицией идеализации личности и творчества Гуттена в том же XIX в. проявилась тенденция критического к нему отношения, главным выразителем которой стал И. Янссен (1829-1891)⁴, воспринявший Гуттена как демоническую личность, как человека аморального, охваченного корыстными стремлениями, проникнутого сословным духом, чудовищной смесью языческого и научного мировоззрений, несущим ответственность за общую деморализацию и деградацию немецкого общества, наметившуюся одновременно с разрушением авторитета католической церкви.

В. Циммерман (1807-1878)⁵ и следовавший за ним в познании фактической истории немецкой Реформации Ф. Энгельс (1820-1895)⁶ подчёркивали неоднозначность и противоречивость мировоззрения Гуттена. Гуттен, по оценке Энгельса, осознал неизбежность радикальных действий против князей, но не избавился от дворянских иллюзий, «за чьими лозунгами единства и свободы всё ещё скрывалась мечта о старой империи и кулачном праве». Подобное восприятие гуттеновского мировоззрения стало *loci communi* последующей марксистской историографической традиции как в постреволюционной России, так и в Восточной Германии.

В XX в., прежде всего, в его первой половине, продолжали конкурировать идеализаторская и критическая традиции в интерпретации духовного наследия Гуттена. Романтическому мифу о Гуттене как сверхсильной личности содействовали выходящие одна за другой работы Э. Борковского⁷, Г. Вольфа⁸, Г. Риттера⁹, О. Геверштока¹⁰, П. Хельда¹¹, Ф.

¹ Strauß D.F. Ulrich von Hutten. Leipzig: Insel, 1838; Штраус Д. Ульрих фон Гуттен. С.-Пб., 1896.

² Гейгер Л. История немецкого гуманизма / Пер. с нем. Е.Н. Вилларской, под ред. и с предисл. Т.В. Форстена. С.-Пб., 1889.

³ Ulmann H. Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1881.

⁴ Janssen J. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters: In 2 Bde. Freiburg, 1886-1887.

⁵ Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М.: Соцэргиз, 1937. Т. 2.

⁶ Энгельс Ф. Письмо к Лассалю, 18 мая 1859 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: В 29 т. М.: Полит. лит., 1956. Т. 29.

⁷ Borkowsky E. Aus dem Zeit des Humanismus. Jena, 1905.

⁸ Wolf G. Ulrich von Hutten. B., 1906. S. 56-57.

⁹ Ritter G. Die geschichtliche Bedeutung des deutschen Humanismus // Historische Zeitschrift. B., 1923. Bd. 27, Heft 3. S. 432.

¹⁰ Gewerstock O. Lukian und Hutten. Zur Geschichte des Dialogs im 16. Jahrhundert. Berlin, 1924;

¹¹ Held P. Ulrich von Hutten. Sein religiös-geistige Auseinandersetzung mit Katholizismus, Humanismus, Reformation. Leipzig, 1928.

Вальзера¹, Хольборна², О. Флаке³ и др. Ф. Шульц⁴ представил Гуттена как предтечу грядущего сверхчеловека, крупнейшего политика и практика, сражавшегося за Великую Германию во главе с императором; силу такого правителя обеспечивают солдаты, проникнутые великой идеей и готовые пожертвовать ради неё своей жизнью.

«Ультрамонтанская легенда» о демонической фигуре Гуттена также продолжала находить своих новых сторонников. Особую позицию в этом затянувшемся споре занял П. Кальков⁵, отвергший представление о сколько-нибудь продуманной и обоснованной политической доктрине Гуттена и назвавший его заурядной, буффонадной фигурой, не способной ни вести за собой, ни генерировать новое. Позиция Калькова встретила критическую реакцию специалистов, но именно она содействовала преодолению мифологизированного представления о Гуттене и стимулировала создание взвешенной концепции интеллектуального наследия немецкого гуманиста без крайностей героического и демонического мифов.

Во второй половине XX в. возникают новые акценты в изучении деятельности Гуттена. Х. Древинк⁶ анализирует его взаимоотношения с другими гуманистами Германии и Европы; Х. Келлер⁷ рассматривает его общение с Ульрихом Цвингли; В. Хичкок⁸ обращается к деятельности Гуттена в рыцарском восстании Франца фон Зиккингена; И. Бенцинг⁹ разбирает проблемы отношений Гуттена и его издателей; К. Кляйншмидт¹⁰, Е. Зоммер¹¹, Р. Шудер¹² предпринимают новые изыскания биографии Гуттена, важные для уточнения хронологии и обстоятельств появления тех или иных его сочинений.

В русской историографии в одной из первых специальных работ о Гуттене, диссертации З.И. Рогинского (1896-1965)¹³ были охарактеризованы антиклерикальные взгляды немецкого мыслителя, в частности, освещены менявшееся отношение Гуттена к лютеровской реформации и борьба против католической церкви, затронуты

¹ Walser F. Die politische Entwicklung Ulrichs von Hutten während der Entscheidungsjahre der Refomation. München ; Berlin, 1929. S. 12.

² Holborn H. Ulrich von Hutten. Leipzig, 1929.

³ Flake O. Ulrich von Hutten. B., 1929.

⁴ Schulz F. Hutten: Ein Kampf ums Reich. B., 1942. S. 89.

⁵ Kalkoff P. Huttens Vagantenzeit und Untergang. Weimar, 1925.

⁶ Drewinc H. Vier Gestalten aus dem Zeitalter des Humanismus. St. Gallen, 1946. S. 216; Idem. Probleme und Gestalten des deutschen Humanismus. B., 1963. S. 151.

⁷ Keller H. Hutten und Zwingli. Aarau, 1952. S.37.

⁸ Hitchcock W. The background of the knights revolt 1522-1523. Berkeley; Los Angeles, 1958.

⁹ Benzing J. Ulrich von Hutten und seine Drucker. Wiesbaden, 1956.

¹⁰ Kleinschmidt K. Ulrich von Hutten. B., 1955.

¹¹ Sommer E. Das Leben ist die Fulle, nicht die Zeit. Eine Portratstudie Ulrich von Huttens. Berlin, 1955.

¹² Schuder R. Ich hats gewagt. B.:Rütten&Loening, 1954.

¹³ Рогинский З.И. Гуттен и Рим: Опыт анализа противоримской полемики Ульриха фон Гуттена: Дисс. ... к.и.н. М., Ярославль, 1940–46. С. 9.

экономические, политические и моральные мотивы в критике католической церкви.

В публикациях Б.И. Пуришева (1903-1989)¹ была освещена литературная деятельность гуманиста, отражён его вклад в формирование немецкого литературного языка. В статьях М.М. Смирин (1895-1975)² обобщены итоги изучения гуманистических и реформационных взглядов Гуттена.

Обозначенные историографические трудности осознавались В.М. Володарским³, признавшим, в отличие от многих предшественников, наличие у Гуттена собственной оригинальной доктрины общества и государства. Более того, он отчётливо отмечал изменение этой доктрины под воздействием бурной действительности первой четверти XVI в.

Обновлению знаний о гуттеновом наследии содействовали работы М. Майера⁴ в рыцарском восстании 1522-1523 гг., В. Хартвига⁵ о гуттеновом понимании индивидуальности, сословий и нации, Г. Шмидта⁶ о гуттеновом осмыслении дворянства и империи, Г. Шольца и С. Ферляйна⁷ об идеях реформы империи. Перспективными представляются компаративные исследования гуманистического наследия Гуттена, когда те или иные его идеи сравниваются с идеями других немецких реформаторов (Лютера, Меланхтона)⁸, с воззрениями итальянских и немецких гуманистов⁹, в том числе с такими, с кем он не мог

¹ Пуришев Б. Ульрих фон Гуттен // Очерки немецкой литературы XV-XVI вв. М., 1955. С. 131-259.

² Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли // Культура эпохи Возрождения и Реформации. М.: Наука, 1978. С.151

³ Володарский В.М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1964. Вып. 26. С.54-80; Он же. Гуманистические взгляды Ульриха фон Гуттена // Средние века. М., 1963. Вып. 24. С. 160-184.

⁴ Meyer M. Sickingen, Hutten und die reichsritterschaftlichen Bewegungen in der deutschen frühbürgerlichen Revolution // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. B. : Akademie-Verlag, 1983.

⁵ Hartwig W. Ulrich von Huttens Überlegungen zum Verhältnis von Individuum, Stand und Nation in der Reformationszeit // GWU. 1984. Bd. 35.

⁶ Schmidt G. Ulrich von Hutten, der Adel und das Reich um 1500 // Ulrich von Hutten in seiner Zeit: Schlüchtern Vorträge zu seinem 500. Geburtstag. Kassel: Evangelischer Pressverband, 1988. S. 23, 32.

⁷ Scholz G., Ferlein S. Ulrich von Hutten (1488-1523): glanzvoller Humanist, gescheiterter Reichsreformer: Ausstellung vom 16. April bis 28. Mai 1989 im Bauernkriegsmuseum. Böblingen: Stadtarchiv und Museen, 1989.

⁸ Honemann V. Erasmus von Rotterdam und Ulrich von Hutten // Ulrich von Hutten in seiner Zeit: Schlüchtern Vorträge zu seinem 500. Geburtstag / Hrsgb. von J. Schilling u. E. Giese. Kassel: Verl. Evang. Presseverb., 1988; Treu M. Johannes Reuchlin, Ulrich von Hutten und die Frage der politischen Gewalt // Reuchlin und die politischen Kräfte seiner Zeit / Hrsgb. von S. Rhein. Sigmaringen, 1988. S. 133-145; Schilling J. Ulrich von Hutten in seiner Zeit: Schlüchtern Vorträge zu seinem 500. Geburtstag. Kassel: Evangelischer Pressverband, 1988. S. 61-86.

⁹ Treu M. Balhasar Fabritius Phaccus - Wittenberger Humanist und Freund Ulrich von Huttens // Archiv für Reformationsgeschichte. Gütersloh: Verlagshaus G. Mohn, 1989. № 80. S. 68- 87; Bernstein E. Willibald Pirckheimer und Ulrich von Hutten: Stationen einer humanistischen Freundschaft // Ulrich von Hutten 1488-1988: Akten des Internationalen Ulrich-von-Hutten-Symposiums, 15.-17. Juli 1988 in Schlüchtern / Hrsgb. von S. Füssel. München, 1988. S.11-13; Herlitzius E., Rudolf G. Ulrich von Hutten (1488 1523) - sozialpolitischer Wegbereiter des Humanismus // Wissenschaftliche Zeitschrift der Technischen Universität Dresden. S.1. 1988 S. 1-8; Köneker B. Deutsche Literatur im Zeitalter des Humanismus und der Reformation // Renaissance und Barock. Frankfurt am Main, 1972.

непосредственно контактировать, как скажем, с Никколо Макиавелли¹. Акцентируются новые нюансы представлений Гуттена о способах приобретения власти и причинах её утраты², об «отечестве»³, обновлённой церкви и благочестии⁴.

В целом, рассмотренная историография представляет значительный опыт в изучении творческого наследия Гуттена. Весьма основательно исследовались его литературная деятельность, гуманистическое мировоззрение, ожесточённая полемика с римско-католической церковью и папством. В меньшей степени подвергались специальному анализу политические воззрения Гуттена, в особенности его тираноборческие идеи. Ещё не становились предметом осмысления принципы объединения амбивалентных и противоречивых идей преобразования общества в сознании немецкого интеллектуала, специфика политической лексики Гуттена, способы трансляции гуттеновских идей на разнородные социальные страты, приёмы воздействия на правящую элиту, то есть принципов зарождающейся новой политической идеологии с присущими ей инструментариумом и технологией.

Источниковую базу предпринимаемого исследования составляет интеллектуальное наследие Ульриха фон Гуттена, отложившееся в сочинениях самого различного характера, стиля и жанра. Общий объём написанного им весьма внушителен, хотя с максимальной полнотой стал известен в последнюю четверть XX в. При жизни автора известность получили благодаря типографскому тиражированию всего лишь 43 произведения (25 на латинском, 18 на ранненововерхненемецком языке), выдержавших 109 изданий. Первое собрание сочинений Гуттена, подготовленное и изданное его другом Э. Гессе⁵ в 1538 г., составило один том; в него вошли только стихотворные произведения на латинском языке, те самые, за которые Гуттен был коронован как лучший поэт Германии.

¹ Malarczyk J. Niccoló Machiavelli i Ulrich von Hutten o stanach panujących i władzy we Włosech i w Niemczech // *Czasopismo prawno-historyczne*. S.l. 1993. № 45. S. 159-177.

² Treu M. Johannes Reuchlin, Ulrich von Hutten und die Frage der politischen Gewalt // *Reuchlin und die politischen Kräfte seiner Zeit* / Hrsgb. von S. Rhein. Sigmaringen, 1988. S. 133-145; Vogler G. Ulrich von Hutten und sein «Vaterland»: Überlegungen aus Anlaß des 500. Geburtstages // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. B.: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften Then Metropol Verlag. № 38, 1988. S. 410-427; Ulrich von Hutten Ritter, Reformier, Rebell? // *Ulrich von Hutten: Mit Feder und Schwert. Katalog zur Ausstellung seines 500. Geburtstages*. Frankfurt-an-der Oder, 1988. S. 7-38; Hanna G.- W. Mänade, Malefiz und Machtverlust: Herzog Ulrich von Württemberg und Hans von Hutten. Köngen: Geschichte- und Kulturverein Köngen, 2003.

³ Herrmann H.P. Subjekt, Nation und Autorschaft : Zu Ulrich von Huttens «Ein Neu Lied», 1521 // *Geschichtserfahrung im Spiegel der Literatur Festschrift für Jürgen Schröder zum 65. Geburtstag* / Hrsgb. von C. Blasberg. Tübingen, 2000. S. 1-21; Nation und Subjekt zur Systematik des deutschen Nationalismus anhand von Texten Ulrich von Huttens // *Searching for common ground : Diskurse zur deutschen Identität 1750 1871* / Hrsgb. von N. Vazsonyi. Köln, 2000. S. 23-43; Roloff H. Der 'Arminius' des Ulrich von Hutten // *Arminius und die Varusschlacht : Geschichte, Mythos, Literatur*. Paderborn, 2003. S. 211-238.

⁴ Burger C. Huttens Erfahrungen mit Kirche und Frömmigkeit und seine Kritik // *Ulrich von Hutten in seiner Zeit: Schlächterner Vorträge zu seinem 500. Geburtstag*. Kassel: Evangelischer Pressverband, 1988. S.35-60.

⁵ Hutteni, Ulrichi, equitis. Germani opera poetica / Hrsgb. v. E. Hesse. Strassburgiae, 1538.

Следующее издание трудов Гуттена, выполненное Э. Бёкингем¹ в 1859-1862 гг., охватило уже пять томов; в дополнение к ним вышли ещё два тома, содержащие «Письма тёмных людей». Первые два тома издания содержат в основном переписку Гуттена и касающуюся Гуттена, третий том – его поэтические произведения, четвёртый – диалоги, в том числе псевдогуттеновские, пятый – речи и наставления. После Бёкинга С. Шаматольским² были найдены прежде неизвестные, написанные по-немецки письма Гуттена, переписка с родными и друзьями, речь-инвектива против пфальцграфа Людвига.

Во второй половине XX в. Х. Меттке³ удалось выявить ещё ряд рукописей Гуттена на ранненововерхненемецком языке в библиотеке Йенского университета.

В целом, сочинения Гуттена, важные для исследования политических идей, можно с известной степенью условности разделить на несколько групп.

Первую группу составляют диалоги. Им свойственны следование античным образцам, использование фигур и тропов античной риторики, предназначенность для публичного чтения с возможным ролевым распределением и элементами драматического представления; им присущи асинхронность, совмещение событий античности, древнегерманского прошлого и современности; метафоричность, наделение голосом абстрактных субстанций – «судьбы», «свободы» и т.п.; ирреальность, перенесение действия диалога в потусторонний мир, в «царство мёртвых», где общались языческие боги, великие герои древности, современники Гуттена и он сам.

Из этой группы источников наибольшую ценность для задач нашего исследования представляет диалог «Фаларизм», написанный Гуттеном в конце 1516 – начале 1517 гг. во время возобновившегося обучения на юридическом факультете Болонского университета и обращённый к теме тирании.

Исключительно важен для понимания специфики патриотических идей Гуттена диалог «Арминий». Он был написан около 1520 г., однако увидел свет уже после смерти автора, в 1529 г., благодаря издательским усилиям Эобана Гессе. Диалог посвящён древнегерманскому вождю (около 17 г. до н.э. – после 17 г. н.э.), победителю битвы с римлянами в Тевтобургском лесу (9 г. н.э). Его темой был суд в загробном царстве, на котором решался спор о величии таких полководцев, как Александр Македонский (356-323 гг. до н.э.), Ганнибал (247-182 гг. до н.э.), Сципион

¹ Hutteni, Ulrichi, equitis Germani. Opera quae reperiri potuerunt omnia / Ed. E. Böcking. Lipsiae, 1859-1862. Vol. 1-5.

² Szamatolsky S. Ulrich von Hutten. Deutsche Schriften. Strassburg, 1891.

³ Hutten, Ulrich, von. Deutsche Schriften: In 2 Bde. / Hrsgb. von H. Mettke. Leipzig: VEB Bibliogr. Inst., 1972.

Африканский (236-184 гг. до н.э.) и Арминий, признанный, в конце концов, победителем.

Уточнить представления Гуттена о национальном государстве, универсальной монархии и церкви позволяют диалоги «Лихорадка», «Вадиск», «Наблюдатели» и «Фортуна». «Лихорадка» появилась ещё в конце лета - начале осени 1518 г., когда Гуттен находился на службе архиепископа Майнцкого; это было время обострения болезни, близости к смерти. Чуть позже появилось продолжение этого диалога, и его начало получило уточняющее название «Первая лихорадка», в отличие от последующей «Второй лихорадки» (1519). Действующими лицами были – Лихорадка, персонификация болезни, и Гуттен. «Вадиск, или Римская триада» написан в 1519 г., когда Гуттен был освобождён от службы в Майнце, воспользовался приглашением Франца фон Зиккингена и поселился в замке Эбернбург; именно тогда Гуттен принял участие в борьбе против герцога Вюртембергского, повинного в убийстве гуттеновского родственника и оскорбившего рыцарскую честь. В то же время был написан диалог «Наблюдатели». Все названные сочинения первоначально были написаны на латинском языке и по настоянию Зиккингена переведены на ранненововерхненемецкий язык самим Гуттеном.

Диалог «Фортуна», пожалуй, один из них остался на латинском языке. В нём личностные и индивидуалистические мотивы ощущаются гораздо сильнее. Это сочинение возникло в 1520 г., но отразило перепады в судьбе Гуттена предшествовавших двух-трёх лет – коронация в Аугсбурге императором Максимилианом, дававшая право на чтение лекций по литературе, философии и истории в университетах (1517), получение высокой должности при дворе архиепископа Майнцкого (1518), внезапная болезнь, чудесное исцеление благодаря новейшим для того времени лекарствам из Нового Света, планы бракосочетания с дочерью патриция Кунигундой Глауберг из Франкфурта-на-Майне (конец 1518), крушение этих планов, лишение должности, новое обострение болезни, борьба с герцогом Вюртембергским.

Среди диалогов могут быть отмечены «Булла, или Крушибулл», «Уведомитель» и «Разбойники», которые современные источниковеды порой объединяют под обозначением «Новые диалоги». Все они были написаны один за другим в 1520 г. и изданы в одном переплёте в начале 1521 г. в Страсбурге. Это был пик конфронтации между Римом и Германией, в которой ширилась Реформация. Её глава, Лютер, из подозреваемого еретика был объявлен обвиняемым, о чём возвещала изданная в Риме булла 15 июля 1521 г., в которой фигурировало и имя Гуттена.

Диалог «Булла, или Крушибулл» представляет собой сатирический розыгрыш, который восходил к традициям средневековых шванков с их

пародиями и травестиями и уличного театра немецких ярмарок. Главными действующими лицами являлись Свобода - аллегория Германии, Булла - аллегория Рима, Гуттен, император Карл. Диалог заканчивался уничтожением и погребением Буллы и последующей установкой надгробного камня.

В диалоге «Уведомитель», чуть позже разросшемся и образовавшем две самостоятельные части «Первый Уведомитель» и «Второй Уведомитель», появились в качестве главных диспутантов Лютер (в «Первом Уведомителе») и Франц фон Зиккинген (во «Втором Уведомителе»). Здесь излагались идеи преобразования церкви, которые Гуттен пытался представить в Брюгге недавно избранному новому императору Карлу V (1500-1558). В последнем диалоге сочувственно упоминался лидер радикального направления гуситского движения в Богемии Ян Жижка (1370-1424).

Диалог «Разбойники» оказывается необходимым для уяснения позиции Гуттена по отношению к такой важной политической силе, как города.

Наиболее дискуссионным в источниковедческом плане в этой группе представляется диалог «Новый Карстганс», составленный в середине лета 1521 г. в замке Эбернбург. Авторство Гуттена здесь ставится под сомнение. Д. Штраус, Э. Бёкинг и О. Шаде считали автором этого сочинения известного теолога и реформатора И. Эколампация (1482-1531), а П. Кальков утверждал, что «Новый Карстганс» написан Мартином Буцером, проповедником в Эбернбургском замке, который был знаком с Гуттеном и переводил его труды на ранненововерхненемецкий язык. Вместе с тем, есть основания связывать это произведение с Гуттеном.

Вторую группу источников составляют речи. Они различаются по характеру: инвективы, апологии и жалобы. Речи отличались эмоциональностью, грубостью и резкостью в отношении идейных противников, метафорической образностью. Кроме того, речи, в отличие от диалогов, более ситуативны, тесно связаны с какой-то конкретной ситуацией, получавшей политическое значение, были рассчитаны на вербальное озвучивание в каком-либо публичном собрании – при дворе императора или какого-либо сюзерена, в сословно-представительных собраниях, советах, суде и т.п.

Из речей наибольшее значение имеют 5 речей против герцога Ульриха Вюртембергского (1515-1516 гг.), написанные Гуттеном на латинском языке; четыре речи были переведены около 1519 г. на ранненововерхненемецкий язык Мартином Буцером, а затем прочитаны и откорректированы Гуттеном. Все они вызваны трагическим событием – убийством Ганса фон Гуттена герцогом Вюртембергским, произошедшем в начале 1515 г. Первая речь появилась 10 ноября 1515 г., когда Гуттен находился на лечении на целебных источниках Эмса. Вторая речь была

составлена 11 июля 1516 г., когда Гуттен находился у архиепископа Майнцкого; она адресована сословно-представительному собранию Вюртемберга и вновь артикулировала мысль о тираническом правлении герцога, отвергавшего привилегии и свободы рыцарства. Третья речь была составлена 28 июля 1516 г. и была предназначена совету и «клятвенному союзу» (Eidgnossen) Глариса, в пределах юрисдикции которого произошло преступление; как и в предыдущей речи здесь содержалось не только обвинение герцога Вюртембергского, но и призыв к отпору сеньору, нарушителю сеньориальных обязательств. Четвёртая речь возникла как ответ на попытку герцога защититься и оправдать убийство нарушением присяги со стороны придворного и была составлена 22 сентября 1516 г., когда Гуттен уже находился в Италии, в Болонском университете. Эти речи копировались, циркулировали в различных кругах Германии, определённо вызвали общественный резонанс уже в 1519 г., когда начались волнения рыцарства в Швабии. Позднее, в ходе рыцарского восстания Зиккингена, письма Гуттена на немецком языке были опубликованы.

Представляет интерес и так называемая «Турецкая речь» («Ulrichi Nutteni ad principes Germanes ut bellum Turcis inferant exhortatio»). Она была написана в 1518 г. в связи с угрозой турецкого завоевания Австрии и организацией отпора Турции. В 1518-1536 гг. она трижды издавалась.

Важна также речь, обращённая к немецким князьям («Rede an die deutschen Fürsten»). Она возникла в 1520 г. и предназначалась для оглашения на княжеском сейме. В ней, помимо призыва прекращения фойд, развивалась мысль об отсутствии лидера в тогдашней Германии, способного сплотить общественные силы.

Характер речи имеет также сочинение «Собор, или как надлежит его проводить» («Concilia, wie man die halten soll»). Оно было издано Ульрихом фон Гуттенем совместно с викарием Бамберга Конрадом Цертлином незадолго до Вормского рейхстага 1521 г. Основой для него послужило найденное Гуттенем в Эбернбургской библиотеке письмо времени Базельского собора. Собственно Гуттену здесь принадлежит вступление (Vorrede), где обосновывалась идея о древних свободах германцев.

К этой же группе источников надлежит отнести и такую разновидность речей, как жалобы (Klagschriften). В данном случае Гуттен следовал сложившейся с конца XV в. (точнее с 1486 г.) практике деятельности германских рейхстагов, когда различные группы общества формулировали и подавали *gravaminae*, т.е. жалобы или претензии; они обсуждались на рейхстаге, сводились в *Gravaminae Germanicae nationis* и представлялись для рассмотрения императору.

Из жалоб исключительную ценность в исследовании имела жалоба «Послание германцам всех сословий» («Ein Clagschrift an alle stend Deütscher nation») и «Жалоба императору Карлу» («Klagschrift an Kaiser

Karl»). Первая была составлена Гуттенем 28 сентября 1520 г. на латинском языке, когда автор находился в замке Зиккингена, в Эбернбурге. Самим же Гуттенем жалоба была переведена на ранненововерхненемецкий язык. Жалоба предназначалась не только для оглашения на рейхстаге, где присутствовали представители всех сословий, но и за его пределами. Здесь затрагивались проблемы соотношения светской и церковной властей, «двух мечей» («мирского» и «духовного»), церковной собственности, «ключей» римского первосвященника и др., включая вопросы христианской догматики (Троицы, Св. Духа).

Вторая жалоба, адресованная императору Карлу V, не имеет точной датировки, содержит лишь указание на то, что она также была составлена в замке Эбернбург. Можно с большей степенью уверенности утверждать, что она написана той же осенью 1520 г. Текст первоначально был составлен на латинском языке, а затем переведён в октябре – ноябре 1520 г. на ранненововерхненемецкий язык Буцером при личном просмотре и правке Гуттена. Поводом к жалобе послужило судебное преследование Гуттена со стороны курии римского папы и имело целью получение правовой защиты у императора.

Важное значение имела также «Жалоба свободных городов немецкой нации» («Beklagunge der Freistette deutscher nation oder Vormahnung an die freien vnd reich Stette teutscher nation»). Эта листовка является продолжением «Жалобы и предостережения против непомерного нехристианского насилия папы римского и недуховного духовенства» («Clag und vormanung gegen dem übermässigen unchristlichen gewalt des Papsts zu Rom, und der ungeistlichen geistlichen», 1520 г.), в которой отразилось отношение Гуттена к бюргерскому сословию.

Кроме этого, представляют интерес жалобы, адресованные курфюрстам, князьям и иным властным и влиятельным лицам, как например, жалоба кардиналу Альбрехту Бранденбургскому от 13 сентября 1520 г. и жалоба курфюрсту Фридриху Саксонскому от 11 сентября 1520 г. Они позволяют получить дополнительную информацию о воззрениях Гуттена на природу светской, княжеской и церковной властей.

Подобный же смысл имеет и обращение к инвективам, написанным в 1521 г., во время организации Вормского рейхстага для суда над Лютером, против римских легатов Джироламо Алеандро (1480-1542), Марино Караччоли (1469-1538) и др., прославившихся преследованием реформаторов.

Третью группу источников образуют письма. Среди них различаются письма публицистического характера, адресованные читающей публике, собраниям, городским советам, конвентам, и частного характера, предполагающие одного вполне конкретного адресата. Если публичные письма по форме сближаются с речами – они имеют одну основную тему, заданную каким-то конкретным событием или поводом, развивают её

более или менее последовательно от начала до конца, то частные письма представляют собой фрагмент диалога, начало и конец которого не известны, или же требуют специального обращения к предшествующим письмам к тому же самому адресату, а также к ответным письмам.

Из писем невозможно обойтись без так называемых «Писем тёмных людей» (*Epistolae viroborum obscurorum*). Они были опубликованы двумя частями в 1515-1517 гг. анонимно. В первой части, согласно многочисленным источниковедческим исследованиям, тон задавал Крот Рубеан (1480-1540), глава кружка эрфуртских гуманистов, во второй части доминирующее авторство принадлежало Ульриху фон Гуттену: им были составлены 55 писем из 62 (1-12, 14-16, 18-28, 30-41, 43-60). Кроме того, Гуттену, скорее всего, принадлежит первое письмо из первой части, определявшее идеологию всего издания. Наконец, Гуттену принадлежат 7 писем приложения к первой части, появившихся в последующих переизданиях. Здесь даётся сильнейшая критика католической церкви, её иерархии, включая папу, властных институтов, монашества, монашеских орденов, религиозной системы образования, её догматичности и т.п.

Из публичных писем могут быть выделены письмо императорскому величеству («*Sendbrief an Kaiserliche Majestat*») 1521 г., три письма мастеру и совету г. Страсбурга от 24 октября, 13 ноября и 20 ноября 1521 г., письмо бургомайстерам и советам г. Франкфурта от 1 апреля 1522 г. и Цюриха от 15 августа 1523 г., письма конвентам различных монастырей и др. Они касаются отношения Гуттена к различным церковным и социальным группам.

К той же разновидности писем относятся эпистолы главам католической церкви Юлию II и Льву X, которые копировались и тиражировались как публицистические сочинения.

Форму послания порой приобретали предисловия, написанные Гуттенем к различным трактатам, например, предисловие к трактату Лоренцо Валлы (1407-1457) «О подложности Константинова дара» (1517-1519), адресованное папе Льву X.

Из частных писем нами в той или иной мере привлекались письма Гуттена своим близким и друзьям - Кроту Рубеану (1480-1540), Эобану Гессе (1488-1540), Вилибальду Пиркхаймеру (1470-1530), Эразму Роттердамскому (1469-1536), Филиппу Меланхтону (1497-1560), Мартину Лютеру (1483-1546), различным представителям из рода Гуттенов и др. Они позволяют уяснить подлинный, нередко скрытый смысл высказывания гуманиста.

Четвёртую группу источников составляют прочие стихотворные литературные произведения Гуттена. Это – многочисленные эпиграммы на современников; наиболее известен здесь сборник «Сто пятьдесят эпиграмм на императора Максимилиана» («*Ad caesarem Maximilianum epigrammatum*»), составленный в 1512-1518 гг. и изданный уже после

смерти императора. Это – «Сатира на времена папы Юлия» («In tempora Julii», 1516 г.), «Триумф Капниона» («Triumphus Capnioni», 1514 г.) и др.

В целом, анализ источников показывает значительную сложность интеллектуального наследия Гуттена. Только в последнее время стала уточняться роль гуманиста в создании тех или иных произведений, стало определяться соавторство и авторство отдельных фрагментов, интерполяций, переводов, переложений из стихотворной формы в прозаическую и обратно; ряд сочинений, считавшихся гуттеновскими, оказались лишь испытанными его интеллектуальное влияние, другие же сочинения, приписывавшиеся различным современникам Гуттена, получили новую атрибуцию. Кроме того, содержание этого наследия изучалось далеко не равномерно: больше было достигнуто в исследовании литературоведческого и лингвистического аспектов. Что же касается политических воззрений немецкого гуманиста, то они оказались изученными в значительно меньшей степени; из всего их многообразия историки были более чувствительны к тем идеям Гуттена, которые были созвучны времени их собственной деятельности. Так, просветители, рецепирировали идеи свободного, безрелигиозного образования, позитивисты – идеи преодоления раздробленности и объединения Германии, националисты – идеи великой немецкой нации и фюрерства и т.д. Сегодня актуальным становится повышение информационной отдачи охарактеризованных источников.

Методология исследования. Из более или менее универсальных методов, приемлемых в данной диссертации, можно указать лишь на метод реконструкции. С его помощью мы пытались воссоздать, по возможности, в целостном виде взгляды немецкого гуманиста на государство, общество и церковь.

Кроме этого, обработка достаточно крупного массива сочинений общей идейной направленности делала возможным обращение к текстологическому методу, который позволял анализировать структуру и архитектуру текста, определять специфические элементы гуттеновской политической лексики и одновременно выявлять архетипические конструкции, идеи и образы, заимствованные Гуттеном из древней интеллектуальной традиции, и одновременно обнаруживать более поздние напластования, возникшие в результате вторжения в гуттеновский текст переводчиков, соавторов, редакторов и издателей.

Наконец, возможно говорить об использовании элементов герменевтического и аксиологического методов, благодаря чему направлялось как осмысление своеобразной терминологии политического мышления Гуттена, так и понимание свойственных ему ценностных приоритетов.

В своей совокупности подобное сочетание методов давало надежду на обновление знаний о политических воззрениях Гуттена.

Научная новизна исследования заключается в попытке реконструирования политического глоссария Гуттена, базовых компонентов новой политической идеологии, представлений о государстве, власти, тирании, нации, восприятия сословий и социальных групп немецкого общества начала XVI в., далёких от определённости экклезиологических воззрений.

Практическая значимость диссертации определяется возможностями использования полученной модели гуттеновской политической доктрины для последующего компаративного изучения немецкой и европейской политической мысли в относительно большой временной перспективе, охватывающей античное наследие, средневековые, ренессансные и реформационные политико-теоретические традиции. Материалы диссертации могут быть использованы также в подготовке лекций, спецкурсов и семинаров, посвящённых культуре эпохи Возрождения, Реформации, немецкому гуманизму, общественно-политической мысли XVI в. и германистике.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации были сделаны доклады на конференциях и семинарах, опубликованы статьи и тезисы, в частности, на Всероссийских конференциях «Синтез в русской и мировой художественной литературе» (Москва, 2001 и 2002 гг.), «Феодальное общество: идеология, политика, культура» (Москва, 2003), на Международных конференциях «История в XXI веке: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества» (Москва, 2001), «Глобализация и региональная культура: методологические проблемы изучения» (Тюмень, ТюмГУ, 2004) и Немецко-российском семинаре «Символы власти» («Imperii emblemata», Тюмень, 2001), на региональных конференциях «Художественная культура как феномен» (Тюмень, 2002), «Человек в пространстве культуры (провинция – центр, центр – провинция)» (Челябинск, 2004) и др.

Диссертация обсуждена и одобрена на заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков ТюмГУ.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, терминологического словаря.

Во введении обоснована актуальность темы диссертации, сформулированы цели и задачи работы, даны характеристика источников, краткий историографический обзор, определены методы исследования.

Первая глава - «Идея империи в воззрениях Ульриха фон Гуттена» - обращена к решению одной из основных проблем –

реконструированию взглядов немецкого гуманиста первой четверти XVI в. на империю, состоит из 6 параграфов.

В первом параграфе «*Reich (Kaysertum)*» рассматривается само понятие «империя» в гуттеновском интеллектуальном наследии. Прежде всего, выявляется всё многообразие немецкоязычных слов начала XVI в., использовавшихся Гуттеном для адекватного перевода латинского термина «*imperium*»; среди них наиболее часто употребляемыми оказались слова «*reich*» (*reych, Heiliges Reich, Romisches Reich*) и «*kaisertum*» (*Keysertum, Keyserthumb, Kaysertum*) в самых различных орфографических формах, отражающих наиболее ранний опыт их употребления в условиях отсутствия языковой нормы. Вслед за этим, были проанализированы контекстуальные значения выявленных терминов. Оказалось, что ни то, ни другое слово - ни «*reich*», ни «*kaisertum*» - не соотносятся со смыслом «высшая власть», «военная власть»; для передачи подобных смыслов в политической лексике Гуттена отыскивались иные эквиваленты: «*gewalt*» (*gwalt, oberest gewalt*), «*macht*», «*regiment*» (*obersten regiment*), «*oberkeit*» (*oberkeyt*), «*herrschaft*». В отличие от многих историков, склонных воспринимать имперскую терминологию Гуттена как отражение его позиции апологии сильной власти, выяснилось, что термины «*reich*» и «*kaisertum*» нередко использовались немецким интеллектуалом в значении «государство». Пытаясь уловить специфические нюансы каждого из двух синонимичных терминов, было высказано предположение о том, что термин «*reich*» в лексике Гуттена призван был акцентировать значение – «общее достояние», «достояние народа»; это наблюдение подтверждается включением слова «*reich*» в качестве форманта сложносоставных слов, обозначавших у Гуттена национальные государства – «*Frankreich*», «*Österreich*» и т.п., т.е. «государство французов», «государство австрийцев». В таком осмыслении термин «*reich*» оказывался свободным от монархического контекста, очень часто приписываемого взглядам Гуттена. Термин «*kaisertum*» в политической лексике немецкого мыслителя оттенял значение – «достояние императора», связанные с ним права и обязанности.

Во втором параграфе «*Vatterlandt. Omечество*» анализируется понятие «отечество», свойственное рефлексии Гуттена. В качестве первого шага, здесь также был выявлен синонимичный ряд терминов, обозначавших свою страну – «*unser land*» (в отличие от «*außland*» - «чужой страны»), «*nation*», «*vatter landt*» (*vatterlandt, vater land*), «*heimat*». При наличии очевидной смысловой общности приведённых слов, значивших отечество, родину, землю отцов, место упокоения праха предков, определены специфические их оттенки. Чаще всего использовавшиеся термины «*nation*» и «*vatter landt*» в рассуждениях Гуттена выступали как геополитическая, этноконфессиональная общность; их признаками были – единое пространство, единое государственное

устройство, единый язык, единая религия; но, вместе с тем, термин «**natio**» артикулировал политико-правовой аспект, будучи контекстуально связан с такими качествами, как свобода (**freyheit**), право (**recht**), а термин «**vatter landt**» более выражал этический компонент, связь между гражданином и отечеством, которая определялась любовью и верностью. Вопреки националистическим интерпретациям политического творчества Гуттена, отмечается нейтральность данной терминологии, её приложимость в гуттеновой вербализации к любой стране, любому народу. Особое внимание уделяется анализу термина «**teütsch vatter landt**» и «**teütsch land**» в политическом лексиконе немецкого патриота.

В третьем параграфе «*Империя «благая» и тирания*» предпринят компаративный анализ двух форм правления в понимании Гуттена: империи как законной формы – и тирании как её антипода. Империя в данном смысловом наполнении соотносится в гуттеновых высказываниях с целым рядом признаков – наличием общепризнанного права («**gemein recht**»), самостоятельно установленной высшей власти (**unser obersten regier**), социального мира (**frieden**), свободы граждан (**gemeyn freyheit**). Ещё большее значение Гуттен придавал моральным аспектам империи, призванной обеспечить «общее благо» (**gemein wol**) и «общую пользу» (**gemein nutz**), «всеобщее благополучие» (**gemein wolstand**), «благосостояние отечества» (**wolfart des vatterlands**). Сделанные наблюдения ещё раз убеждают в искусственности промонархических толкований позиции немецкого мыслителя XVI в.; вопреки распространённому мнению, они позволяют видеть семантическую близость гуттенова понимания «империи» и свойственного Ренессансу понятия «республики». Тирания (**thyranney**) в размышлениях Гуттена выступает как отвержение права, узурпация власти, насилие, нарушение мира и свободы, включая самый естественный её уровень – свободу слова. В духе тираноборцев он обосновывал право народа на сопротивление тирану, открытое выступление против него и свержение. В этой связи дискутируются оценки воззрений Гуттена как являющихся прологом теорий абсолютизма, высказывавшиеся частью историков. Отмечается реакция немецкого мыслителя первой четверти XVI в. на такой симптом его времени, как поддержка тирании различными партиями (**eydgenoßschaft**) и отдельными интеллектуалами, подкупленными тиранами; эта реакция не была позитивной даже тогда, когда Гуттен упоминал о «флорентийской тирании», при которой «народ благоденствовал», скорее она передавал досаду от утраты гражданами чувства достоинства и престижа просвещённости.

В четвёртом параграфе «*Носитель имперской власти. Keyser. Император*» центр тяжести исследовательского интереса переносится на носителя имперской власти. Вначале уточняется терминология, которой пользовался Гуттен для обозначения главы империи: «император» (**kaiser**,

keyser, keyßer, kayser), «германский император» (**teütscher kayser, kayser in Teütschland**)), «императорское величие (**kayserliche mayestat, kaiserlich mayistet, Kay May, Rö К.М.** и др.). Затем выясняется понимание немецким политическим автором XVI в. природы и смысла власти императора. В отличие от абсолютистских истолкований его взглядов подчёркивается, что источником императорской власти, по Гуттену, являлся Бог и народ; выборность императора являлась давней привилегией немцев, атрибутом их свобод. Сам император рассматривался в первую очередь как «защитника всеобщей свободы» (**beschirmer deß vatterlandß gemeiner freyheit, beschützer der gemeinsamen freiheit**), «отец отечества» (**vater des vaterlandß**), имевший равное попечение обо всех гражданах. В соответствии с античными и ренессансными традициями о наилучшем правителе Гуттен особую силу придавал нравственным качествам императора: он должен был быть «благочестивым, правящим в интересах общего блага» (**fromme wohlregierende keyser**), заботящимся об общей пользе, всеобщем процветании, благополучии и благосостоянии; он обязан был обеспечивать мир как условие расцвета просвещения и наук.

В пятом параграфе *«Органы управления в империи»* раскрывается отношение Гуттена к органам управленческой системе империи. В обширном политическом наследии немецкого мыслителя начала XVI в. упоминались почти все существовавшие в его время органы государственной власти империи: рейхстаг (**reichßtag, reichstag**), имперское правительство (**reichsregiment**), имперское правительство (**reichsregiment**), имперский суд (**reichskammergericht**), палата курфюрстов (**kurfürsten**); кроме того, государственным суверенитетом обладали земли (**landt**), где действовали институты княжеской власти (**landt fursten**), порой соперничавшей с императорской, собирались земельные съезды (**landtag**), земельные суды (**landtgericht**); Упоминались также имперские города (**reichsstat, keisers stat**), где были городские наместники (**stathelter**), городские советы (**radt**), суды присяжных (**schulteßen oder hauptman**).

Здесь затрагивается один из дискутируемых вопросов – восприятие Гуттенем разделения Германии на множество государственных субъектов; чаще всего оно оценивается в этатистской логике, согласно которой Гуттен воспринимается противником партикуляризма Германии, сторонником сильного имперского управления, способного объединить страну, защитить от внешней опасности со стороны Рима и турок; в диссертации подчёркивается сложность и неоднозначность гуттеных высказываний по этому поводу, отмечается различие идеального и реального уровней его политического дискурса; в соответствии с первым, немецкий политик склонен был допускать возможность гармоничного сочетания общеимперской системы управления с самостоятельностью земель, являвшихся выражением естественных германских свобод.

В шестом параграфе *«Реформа империи»* специальному рассмотрению подвергаются предложения Гуттена по реформированию империи. При характеристике взглядов Гуттена на современное ему состояние империи акцент делается на его мнении о раздвоенности империи, существовании мнимой и подлинной империях; первая представлена папой, вторая – германским императором; главенство в Священной Римской империи узурпировано папой, который порой называется в гуттеновых текстах – «главный император» (**haupt keyßer**).

В отличие от довольно распространённых пангерманских и великоимперских интерпретаций гуттенова проекта реформы империи, проводится мысль о намеренной риторической аффектации некоторых высказываний Гуттена. Здесь также выявляются реальный и идеальный уровни рефлексии немецкого интеллектуала. Если в контексте реального плана Гуттеном предусматривалось восстановление целостности империи, устранение её раздвоенности, возвращение германскому императору его действительного статуса, то в идеале ему представлялось возможным утверждение всемирной империи, объединявшей весь христианский мир, включавшей на основе свободного и добровольного союза все нации и народы.

Во второй главе – *«Идея сословности в гуттеновом наследии»* - предпринимается реконструкция воззрений Гуттена на сословия.

В первом параграфе *«Stände. Сословия»* специальному рассмотрению подвергается категория «сословие» политической лексики немецкого гуманиста XVI в. Выяснено, что данное понятие передавалось в сочинениях Гуттена термином **«standt» (standen)**, являвшимся немецким эквивалентом латинского **«ordo»**; в редких случаях использовалось слово **«wesen»**, указывавшее на то или иное социальное состояние по аналогии с латинским **«status»**. Гуттенову глоссарию свойственно различение светских и духовных сословий (**weltlichen vnd geistlichen standen**), «высших» и «низших» (**hoch vnd nyder standt, hoch vnd fürstlich stand**). Оказалось, что видению Гуттена словно бы неизвестна традиционная, трёхчленная модель общества; он выделял князей (**fürsten**), рыцарство или дворянство (**ritterschaft, adel, edelleut**), разделявшееся ещё на высшее и низшее (**hoch vnd nyder adel**), духовенство (**gestlicheit, geistlich stand, priesterlich stand**), города (**stätten, stette**), которые в свою очередь включали купечество (**kaufleute**) и ремесленников (**handwerker**), и крестьянство (**baver**). Однако этим понимание общества не ограничивалось; Гуттен упоминал ещё ряд социальных групп, которые не вписывались прямо ни в одно из сословий, например юристы (**juristen**), канцеляристы (**schreiber**), чиновники (**Ambtleüte**), учёные и вообще люди, жившие за счёт интеллектуального труда (**vil gelerte leüt**).

Во втором параграфе *«Fürsten. Князья»* уточняется гуттеново понимание княжеского сословия. Его высшую ступень составляли

курфюрсты (**Kurfürsten, Churfürsten**); они образовывали особую коллегию, обладали решающим голосом (**churstimm**) в определении судеб империи. Отдельные из курфюрстов, к примеру, Фердинанд Австрийский, Фридрих Саксонский, воспринимались немецким реформатором как возможные лидеры восстановления империи, или как способные повлиять на императора в прореформаторском духе. Ниже размещались имперские князья или князья земель (**reichs fürsten, landt fürsten**); они также создавали самостоятельную коллегию; в их адрес Гуттен чаще всего разражался резкими филиппиками. Упоминались ещё графы, «свободные господа», или бароны (**frey herren**). Наряду с эмоциональной критикой князей, ответственных за ослабление Германии, обнаруживается заинтересованное отношение Гуттена к традициям мира в землях (**landtfriden**), поддержания немецкого обычного права и порядка (**landt gericht**).

В третьем параграфе «*Adel. Дворянство*» детализируются представления Гуттена о дворянстве. Немецким автором начала XVI в. выделялись высшее дворянство (**hoch adel**), к которому относились дворяне, обладавшие титулами – герцоги, маркграфы, ландграфы, пфальцграфы, бургграфы, и низшее дворянство (**nyder adel**), т.е. вся масса обычного дворянства без титулов (**gemein adel**), рядового рыцарства (**ritter, reiter, knecht**). Порой в текстах Гуттена фигурируют графы и свободные господа (**frey herren**), которые по своей роли могли быть отнесены либо к последней ступени высшего дворянства, либо к первой ступени низшего дворянства; были ещё знатные лица, исполнявшие благородную службу, но не имевшие рыцарского звания (**edelman, edelsknecht**); Гуттенем различались многочисленные группы рыцарства, связанные с императором, теми или иными князьями, землями (**keyserlich ritter, lands ritter**) и т. п. Назывались им и «бедные рыцари» (**arme ritter, arme knechte**). В историографии Гуттен традиционно воспринимается как выразитель интересов имперского рыцарства, за что на него нередко возлагаются обвинения в утопичности, консервативности и даже реакционности. В отличие от подобного подхода в диссертации развивается тезис о нетипичности большинства гуттеных высказываний для рыцарства.

Четвёртый параграф «*Bürger. Горожане*» освещает восприятие Гуттенем городского сословия. Современное состояние городской жизни вызывало у немецкого гуманиста XVI в. двойственные эмоции: с одной стороны, оно резко порицалось за прагматизм, страсть к деньгам, неблагородство и бездуховность, с другой стороны, оно оценивалось позитивно за покровительство просвещению, наукам и искусствам.

Пятый параграф «*Baver. Крестьяне*» концентрирует внимание на гуттеных рефлексии по поводу крестьянства. В предшествующей историографии этот аспект политической доктрины Гуттена обычно

эллиминировался. Однако «умолчания» сочинений немецкого мыслителя оказались кажущимися; в них достаточно часто встречаются упоминания крестьян (**baver**), земледельцев (**land leüt**), жителей деревень (**dörfer**), «людей простого сословия и состояния» (**gemeinen, was stands oder wesens die seint**), «бедных людей» (**armen leüt**). Переатрибуция диалога «Новый Карстганс» Гуттену позволяет существенно расширить понимание его позиции по отношению к крестьянству. Оно оказывается, по заключению автора XVI в., наиболее полезным обществу, благодаря своему труду; крестьянство более, чем другие сословия, страдает от тирании и при определённом руководительстве готово поддержать преобразования.

Шестой параграф *«Возможность реформы сословий»* обобщает суждения Гуттена о реформировании сословий. Значимость немецких **stände**, согласно политическому теоретику XVI в., оценивается по исполнению ими своего общественного долга перед Германией; нарушающими долг, по заключению Гуттена, оказывались, прежде всего, князья, светские и духовные, затем купечество и обслуживавшие их социальные группы – юристы и канцеляристы, зарождавшаяся бюрократия; они подлежали радикальному сокращению. Прочие сословия – дворянство, или рыцарство, ремесленники, крестьянство, вместе с интеллектуалами, должны были получить более широкое представительство в собраниях империи.

В третьей главе - *«Экклезиологические представления Ульриха фон Гуттена»* - осуществляется реконструкция взглядов немецкого реформатора XVI в. на церковь.

В первом параграфе *«Vapstum. Римско-католическая церковь»* специальному анализу подвергаются суждения Гуттена о римско-католической церкви и папстве. Зачастую они приобретали гиперкритический характер, когда римское духовенство называлось гуманистом служащим Антихристу, а его глава, римский папа, назывался тираном и самим Антихристом. Подобный критицизм давал в историографии повод воспринимать Гуттена как одного из ренессансных представителей свободомыслия и чуть ли не атеизма. В действительности, проведённый в диссертации анализ антицерковных высказываний немецкого автора XVI в. выявил их риторический характер и политическую заострённость, скрывавшие чувства глубоко верующего христианина, который страдал от моральной деградации церкви и стремился к её возрождению.

Во втором параграфе *«Luthersache. Дело Лютера»* выясняется отношение Гуттена к лютеранской реформации, что позволяет уточнить понимание подлинных религиозных убеждений немецкого мыслителя. В специальной литературе стало уже общим местом считать Гуттена сторонником лютеранской церковной реформы, Однако предпринятое здесь

изучение религиозных текстов Гуттена позволяет говорить о его скором отчуждении от Лютера, причём не только из-за разного отношения к насилию, но и из-за разного понимания одного из главных догматов христианства – Троицы; Гуттен, скорее всего, отвергал троичность Бога, как это делали и древние германцы, и поэтому его надлежит, вероятнее всего, отнести к антитринитарному направлению протестантизма. Здесь же затрагивается вопрос о сторонниках Гуттена, их определённом организационном оформлении в «клятвенное товарищество» (Eidgenoßen), наподобие ордена (vnser orden).

В третьем параграфе *«Реформаторский проект Гуттена»* раскрывается идея церковной реформы Гуттена. Им предлагалось упразднить монашество, самый праздный и паразитирующий социальный слой; существенно сократить духовенство, оставив только ту его часть, которая способна подражать Христу бедностью и высокой нравственностью; оно должно быть гуманистически образованным, заниматься нравственным воспитанием общества, не должно вмешиваться в светские дела. Гуттеном предлагалась секуляризация церковной собственности, перераспределение её на нужды империи, в том числе и науки.

В *«Заключении»* подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. Здесь отмечается, что пополнение источникового фонда, выявление неизвестных прежде сочинений Гуттена, фрагментов, переводов с латинского на ранненововерхненемецкий, комментариев, новая атрибуция ряда сочинений гуттенова круга, усовершенствование методов исследования (текстологии, анализа риторических конструкций), достижения новейшей немецкой историографии позволили по-новому осветить ряд дискуссионных проблем политического сознания одного из виднейших представителей немецкого Возрождения и Реформации – Ульриха фон Гуттена.

Прежде всего, понятие «империи» в логике рассуждений Гуттена оказалось не выражением его крайне этатистской позиции, но тождественным понятию «государство» и даже совместимым со смысловым рядом, задаваемым понятием «республика». Точно так же идеи «отечества», «немецкой нации», «Германии», впервые с такой силой озвученные Гуттеном, оказались не проявлением его националистических, пангерманистских, чуть ли не расистских убеждений, но эффективным риторическим приёмом политика, рассчитывавшего пробудить в соотечественниках чувств достоинства, гордости за своих предков, свою землю. Не меньше споров порождают размышления Гуттена о тирании, введённом им понятии «фаларизм», искусстве добиваться власти и удерживать её. В них удалось выявить не апологию абсолютизма и насилия, но предвосхищение идей монархотомии.

По-новому интерпретируются социально-политические воззрения немецкого гуманиста первой четверти XVI в., который предстаёт не как выразитель интересов рыцарства, причём имперского, т.е. связанного с императором, но как интеллеktуал, отстаивавший индивидуальную свободу, свободу слова и совести.

Новое освещение получили экклезиологические представления Гуттена, который оценивается не как последователь лютеровской церковной реформы, но как представитель антитринитарного направления Реформации.

Ряд выявленных в ходе исследования моментов – искусство политической риторики, практика непрерывных публичных выступлений, деятельность «партии», лидером которой был Гуттен, подтверждают мысль о формировании феномена ранней политической идеологии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Попова О.А. Сатира, памфлетистика и риторика в творчестве Ульриха фон Гуттена // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Тез. науч.- практич. конф. памяти А.Ф. Лосева / Под ред. И.Г. Минераловой. М.:МГПУ, 2001. С. 94-95. 0,2 п.л.

2. Попова О.А. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // Европа: Международ. альманах / Под ред. С.В. Кондратьева. Тюмень: ТюмГУ, 2001. Вып. I. С.39-45. 0,7 п.л.

3. Попова О.А. Гуттен и общество // Синтез в русской и мировой художественной культуре: Мат. II науч.-практич. конф. памяти А.Ф. Лосева / Под ред. И.Г. Минераловой. М.:МГПУ, 2002. С. 121-123. 0,3 п.л.

4. Попова О.А. Политическая сатира в немецкой литературе периода Реформации (По творчеству Ульриха фон Гуттена) // Художественная культура как феномен: Мат. регион. науч.-практич. конф. / Под ред. И.Н. Гнездиловой. Тюмень: ТюмГУ, 2002. С.48-52. 0,4 п.л.

5. Попова О.А. Личность в эпоху Реформации: Литературно-публицистическая деятельность Ульриха фон Гуттена // История в XXI в.: Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества: Мат. международ. Интернет-конф. на информ.-образоват. портале www.auditorium.ru (20 марта-14 апреля 2001) / Под ред. В.В. Керова. М.: РУДН, 2002. С.262-269. 0,6 п.л.

6. Попова О.А. Тираноборческие идеи Ульриха фон Гуттена // Феодалное общество: идеология, политика, культура: Мат. IV Всеросс. конф. / Под ред. А.И.Сидорова. М.:МПГУ, 2003. С. 144-147. 0,3 п.л.

7. Попова О.А. Диалог «Арминий» Ульриха фон Гуттена // Вестник Тюменского гос. ун-та. Тюмень:ТюмГУ, 2003. Вып. 3. С. 164-169. 0,5 п.л.

8. Попова О.А. Эклисиологические представления Ульриха фон Гуттена // Человек в пространстве культуры (провинция – центр, центр – провинция): Мат. II науч.-практич.конф. / Под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск: ЧелГУ, 2004. С. 35-40. 0,7 п.л.

9. Попова О.А. Универсальность и партикулярность в понимании интеллектуала XVI в. // Глобализация и региональная культура: методологические проблемы изучения: Мат. международ. науч.-практич. конф. / Под ред. Е.Н Ярковой. Тюмень: Мединфо, 2004. С.123-124. 0,2 п.л.